

С.Г. Петров,
канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотр. Института истории
Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

О РОЛИ И.В. СТАЛИНА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

В современной литературе обсуждение вопроса о роли И.В. Сталина в формировании антирелигиозной политики и практики большевистского режима в течение первых трех с половиной советских десятилетий проходит в остром дискуссионном формате. Широта диапазона точек зрения, если учитывать крайности мифологизированного и чрезвычайно политизированного общественного сознания, колеблется от объявления его ключевой фигурой в выработке антирелигиозной политики удушения религиозных организаций чуть ли не с первых месяцев прихода к власти большевиков и до провозглашения «вождя народов» православным святым, созидателем единственного за весь советский период «золотого десятилетия» церковно-государственных отношений, наступившего после возрождения Московской патриархии в годы Великой Отечественной войны¹.

При этом историографический дискурс выстраивается зачастую по лекалам политической публицистики, исторической социологии и историософии. Построения эти отличает крайне слабая работа с историческими источниками, подгон фактического материала под заданные заранее концепции и даже откровенная фальсификация, намеренное использование подложных документов. Совсем недавно в очередной раз крайне важный документ для понимания истории государственно-церковных отношений первой половины 1920-х гг.,

¹ Фирсов С.Л. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011. С. 363–415; Курляндский И.А. Сталин, власть, религия: (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011; Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников / сост. П.С. Дорохин. М., 2016; «Православный» сталинизм: сб. ст. / сост. К.Б. Грамматчиков. 2-е изд. М., 2017.

подлинность которого не вызывает у специалистов сомнений, с высокой политической трибуны был объявлен фальшивкой – письмо В.И. Ленина об изъятии церковных ценностей от 19 марта 1922 г., причем с безапелляционной формулировкой «давно доказано, что такого письма не существовало»².

Но это касается не только исторических источников. Идет деформирующая социальную память глобальная подмена терминов, характеризующих суть политики большевиков по отношению к религиозным организациям. С некоторого времени термин «антирелигиозная политика», или более нейтральный – «политика по отношению к религиозным организациям» стал вытесняться «конфессиональной политикой». На мой взгляд, термин этот хорош для предшествовавших большевикам режимов власти и для постсоветского времени, но не применим к коммунистическому режиму, так как искажает и камуфлирует реалии большевистской политики и практики по отношению к религиозным организациям, является спекулятивным и ревизионистским. Большевики, думаю, были бы крайне удивлены, узнав, что их антирелигиозная деятельность называется теперь «конфессиональной политикой». А об использовании современными исследователями термина «вероисповедная политика» большевиков даже говорить не хочется.

Многолетнее исследование опубликованного академиком Н.Н. Покровским и мной в серии «Архивы Кремля» массива источников³ позволило вскрыть механизм принятия высшими органами ЦК РКП(б) решений, касавшихся религиозных организаций в первой половине 1920-х гг.⁴ Анализ этих источников, как никаких других, дает возможность показать реальное участие И.В. Сталина в формировании антирелигиозной политики большевиков в период, когда, по образному выражению Л.Д. Троцкого, «Октябрьская Революция докатилась до церкви»⁵. В настоящей статье рассматриваются документы, связанные с принятием Политбюро постановлений по обозначенной проблеме, которые вносились в протокол его заседаний или оформлялись как внепротокольные, сверхсекретные. Сохранив-

² URL: http://ruskline.ru/news_rl/2018/10/20/gennadij_zyuganov_ob_otnoshenii_kommunistov_k_cerkv... (дата обращения: 23.10.2018).

³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / подг. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2.

⁴ Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода: документы Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археологический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 18–46; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004.

⁵ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 161.

шийся массив документации делопроизводства Политбюро первой половины 1920 г., X–XIII созывов его работы, позволяет говорить о четырех вариантах фиксации в этих источниках деятельности Сталина, в т. ч. и в вопросе принятия антирелигиозных решений.

Первый вариант связан с такой разновидностью документов, как списки присутствовавших на заседаниях Политбюро. Они дают нам сведения о том, когда Сталин присутствовал на заседаниях Политбюро и принимал участие в его работе. На основе этих списков можно сделать выводы только о коллективной ответственности всех присутствовавших членов и кандидатов в члены Политбюро за принятые антирелигиозные решения, но дать какое-либо заключение о личном вкладе каждого из них, в т. ч. Сталина, невозможно.

Второй вариант касается тех ситуаций, когда Сталин как секретарь ЦК РКП(б) курировал подготовку протокола заседания Политбюро и занимался редактированием протокольных формулировок. Здесь же можно рассматривать подготовку им итоговых к решениям Политбюро директив, отправляемых в регионы или непосредственным исполнителям. Отмечу сразу, что эта деятельность сводилась зачастую к технической правке подготовленных другими лицами текстов, присланных нередко в качестве инициативных, переработке их в шифротелеграммы или же к составлению самим Сталиным текстов, отражающих принятые Политбюро решения. Отступать от утвержденных постановлений, вносить смысловые коррективы или тем более высказывать собственную точку зрения секретари ЦК партии («секретарская тройка»)⁶, в т. ч. и генеральный, просто не могли. Если, в силу непонимания всех нюансов вопроса, подобного рода вещи происходили, то обычно следовала ответная реакция от заинтересованных лиц с требованием немедленного внесения поправок и корректив.

Третий вариант – документы, отражающие процедуру голосования членов и кандидатов в члены Политбюро по антирелигиозным вопросам. Как хорошо известно, голосование на заседаниях Политбюро не фиксировалось, за исключением опросного голосования: в круговую или по телефону. В первом случае свои мнения голосо-

⁶ В состав Секретариата, избранного 16 марта 1921 г. Пленумом ЦК РКП(б) сразу же после окончания X съезда партии, входили В.М. Молотов (ответственный секретарь), В.М. Михайлов и Е.М. Ярославский. После закрытия XI съезда партии на Пленуме ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 г. секретарями были избраны И.В. Сталин (генеральный секретарь), В.М. Молотов и В.В. Куйбышев. После XII съезда на Пленуме ЦК РКП(б) 26 апреля 1923 г. «секретарскую тройку» оставили практически в том же составе, но вместо В.В. Куйбышева секретарем стал работать Я.Э. Рудзутак (Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: справочник. М., 1990. С. 20–22).

вавшие собственноручно записывали непосредственно на обсуждаемых документах, а во втором – их фиксировали проводившие опрос сотрудники Бюро Секретариата ЦК РКП(б) на отдельных листах или специальных бланках. Здесь можно абсолютно точно говорить о позиции Сталина, которую он занимал по тому или иному вопросу, касавшемуся религиозных организаций. И в этих случаях интерес представляет ситуация, когда Сталин вместе с другими голосовал не «за», а «против» и мотивировал свою позицию.

И последний вариант, когда Сталин выступал инициатором рассмотрения вопроса и в Политбюро направлялись исходившие от него инициативные документы или даже проекты решений. Правда, названные документы не всегда имеются в соответствующих архивных делах: их просто могло и не быть, а если они были, то в силу самых разных причин эти документы не отложились в делопроизводстве Политбюро. В этом случае имя Сталина может фигурировать в списке докладчиков, повестке заседания Политбюро или непосредственно в тексте самого постановления – сразу после формулировки рассмотренного вопроса. Если же сохранились инициативные документы с предложениями Сталина, и их можно доказательно атрибутировать ему, то имеются все основания говорить о его вкладе в формирование антирелигиозной политики и практики большевиков.

Необходимо также отметить, что с апреля 1922 г., в силу занимаемого Сталиным поста генерального секретаря ЦК РКП(б), поступающая в высшие и центральные партийные органы документация нередко адресовалась на его имя, в т. ч. и по вопросам, связанным с религиозными организациями, а от его имени и за его подписью рассылалась заинтересованным ведомствам и лицам. Понятно, что наивно было бы считать, что эта документация поступала к нему или отправлялась от него исключительно по причине главенствующей роли Сталина в формировании антирелигиозной политики или его чрезвычайного интереса к данному вопросу. Столь же наивно атрибутировать официальные партийные директивы, рассылаемые от имени ЦК РКП(б) на места, по проставленным в силу занимаемых должностей этикетным подписям Сталина или других секретарей ЦК РКП(б). Такой непрофессиональный подход к атрибуции документов ведет к грубейшим ошибкам и откровенным фальсификациям, в т. ч. и касательно участия Сталина в выработке антирелигиозной политики большевиков⁷.

⁷ Об этом, в частности, см.: Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование). Новосибирск, 2013. С. 20–27.

Мало что говорят и документы, которые поступали в Политбюро для ознакомления с ними политического руководства страны. Подпись-росчерк на них Сталина, если она не сопровождалась его комментарием, также не дает никакой информации о его реакции, кроме той, что он был знаком с этими документами и принял их «к сведению» (иногда в таких случаях он нейтрально указывал: «Читал. И. Сталин»⁸).

Итак, перейдем от общих положений к непосредственному рассмотрению фактической стороны дела указанных выше источников. Особое, исключительное значение для понимания роли Сталина в формировании антирелигиозной политики большевиков имеют документы, обозначенные в последнем, четвертом варианте. Уделим им сегодня первостепенное внимание.

Пожалуй, в 1921 г. можно назвать только один случай, когда Сталин проявил активность в решении вопросов, связанных с религиозными организациями. Речь идет об исходящих от них многочисленных ходатайств с просьбой разрешить им участвовать в оказании помощи голодающим вместе с общественными организациями или самостоятельно. Не буду освещать уже неоднократно и подробно рассмотренные попытки власти с первого месяца лета 1921 г. манипулировать общественными и религиозными деятелями по этому поводу, но именно Сталин в конце ноября 1921 г., когда голод достиг своего пика, инициировал повторное обращение к этому вопросу политического руководства страны. Будучи наркомом по национальным делам, он получил докладную записку от руководителей Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири, т. е. от религиозных лидеров, представлявших территории Поволжья, находившиеся в наиболее тяжелом положении. Глава Наркомнаца не положил под сукно полученный документ с просьбой разрешить религиозным организациям помогать голодающим, а счел необходимым переслать его во ВЦИК П.Г. Смидовичу, заместителю председателя ВЦИК и ЦК Помгола М.И. Калинина, с пометой: «Комиссия ВЦИК по голоду. т. Смидовичу. Возражений не имею. 25/XI. И. Сталин»⁹. Таким образом, Сталин не стал брать на себя ответственность за принятие решения и направил документ для коллегиального обсуждения в соответствующие инстанции.

Во ВЦИК также не решились дать окончательный ответ, и этот вопрос был вынесен на рассмотрение в Политбюро, причем до-

кладчиком на его заседании выступил М.И. Калинин. В результате Политбюро приняло решение создать комиссию, которая включала М.И. Калинина, И.В. Сталина и Д.И. Курского, причем второй ее член был включен в этот список с правом замены, т. е. для Сталина данный вопрос не был столь значимым, чтобы уделить ему достаточное время и погрузиться в проблему, поэтому он мог перепоручить эту работу своим заместителям¹⁰. Однако сохранившиеся в архивном фонде ЦК Последгола при ВЦИК документы, отражающие деятельность этой «тройки» и являющиеся итоговыми к постановлению Политбюро, говорят, что Сталин все же принял участие, правда, исключительно техническое, в выработке текста постановления ВЦИК, разрешавшего религиозным организациям оказывать помощь голодающим. Подготовленный Калининным проект текста постановления, если исходить из его пометы, был прочитан Сталиным, получил одобрение, но его не «вполне удовлетворила формулировка»¹¹. В результате появилась новая редакция текста с более точной формулировкой, которая удовлетворила Сталина¹² и была 8 декабря 1921 г. принята Политбюро¹³, а затем продублирована в качестве постановления ВЦИК его Президиумом¹⁴. После этого начался переговорный процесс между представителями ЦК Помгола и религиозных организаций по выработке нормативных документов об участии их в помощи голодающим.

Но все это оказалось очередной дымовой завесой и отвлекающим моментом готовившейся с ноября 1921 г. под эгидой Л.Д. Троцкого шестимесячной секретной кампании по учету, изъятию и сосредоточению ценностей царской России с их дальнейшей распродажей за границу, включающей в себя как составную компоненту кампанию по изъятию церковных ценностей. Это были два разных явления: помощь религиозных организаций голодающим с добровольной сдачей храмовых небогослужебных ценностей и принудительная сдача ими ценностей в ходе кампании по изъятию, но власть решила сделать помощь голодающим информационным прикрытием кампании по конфискации ценностей, чем вызвала резкий протест, по крайней мере, у руководства самой большой конфессии в стране – Православной российской церкви, глава которой патриарх Тихон (В.И. Беллавин) в письме М.И. Калинин у от 25 февраля 1922 г. счел

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 241. Л. 2; Оп. 163. Д. 224. Л. 1, 1.0.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.

¹² Там же. Л. 44–44 об.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 242. Л. 5; Оп. 163. Д. 225. Л. 35.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 87. Л. 5, 127; Д. 92. Л. 332, 339; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 181. Л. 7.

⁸ Например, см.: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 131, 309.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 4506. Л. 1–2; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1065. Оп. 1. Д. 16. Л. 37, 37а, 39.

себя выставленным перед верующими «в роли каких-то обманщиков, провокаторов»¹⁵.

В первые месяцы 1922 г., в условиях разворачивавшейся кампании по изъятию церковных ценностей, сопровождавшейся выработкой Политбюро репрессивного курса на подавление церковного сопротивления, включавшего внедрение обновленческого раскола в Православную российскую церковь, разгром канонических органов церковного управления, организацию по всей стране расстрельных церковных судебных процессов, Сталин исправно голосовал за все предложенное Лениным и Троцким, действенно и энергично проявившим себя в этих вопросах¹⁶. Единственный случай, когда Сталин и Троцкий воздержались, а не проголосовали «за», как Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и В.М. Молотов, был связан с опросным обсуждением 29 марта 1922 г. в Политбюро вопроса о выделении ВЦИК сверхсметного кредита в размере пяти миллиардов советских рублей для Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей¹⁷. Не исключено, что такая позиция Сталина и Троцкого была обусловлена другим только что принятым по предложению Троцкого опросным постановлением Политбюро, внесенным в предыдущий его протокол от 23 марта 1922 г., об ассигновании 10 млрд советских денег на расходы по изъятию и 1 млн золотом в счет конфискованных ценностей для покупки хлеба за границей¹⁸.

Когда Сталин приступил к работе в новой должности – генерального секретаря ЦК РКП(б), ему пришлось вместе с другими членами и кандидатами в члены Политбюро принимать решение по вынесенным Верховным ревтрибуналом приговорам по судебным церковным процессам – шуйскому и московскому. Составленные и подписанные Сталиным документы, фиксирующие голосование опросом 2 и 8 мая 1922 г. соответственно по Шуге и Москве, свидетельствуют, что впервые политическими руководителями страны были высказаны полярные точки зрения: смертный приговор духовенству и мирянам поддержали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и В.М. Молотов; за его отмену выступили А.И. Рыков, М.П. Томский, Л.Б. Каменев, М.И. Калинин¹⁹. В записке по поводу приговора по московскому процессу Сталин так и указал: «Я лично голосую против отмены решения

¹⁵ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.: сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики / сост.: диакон А. Мазырин, В.А. Гончаров, И.В. Успенский. М., 2006. С. 154.

¹⁶ Например, см.: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 119–121, 153–155, 159–164.

¹⁷ Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 141–144.

¹⁸ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 153–156.

¹⁹ Там же. С. 197–198, 213–214.

суда»²⁰. Он не просто поддержал предложенную и обоснованную Лениным и Троцким жесткую репрессивную политику по отношению к религиозным организациям, но и неизменно голосовал за смертную казнь как можно большего количества духовенства и мирян.

Стоит отметить, однако, что проблема применения высшей меры наказания в то время была одним из острейших вопросов, бурно обсуждавшихся в партийных кругах, в т. ч. в Политбюро, и чуть не выплеснувшихся на страницы советской периодики. Отметим, что такое распределение голосов в Политбюро было при рассмотрении приговора по делу католического духовенства и верующих, а также по приговорам, вынесенным по политическим процессам (правых эсеров и т. д.)²¹. Видимо, «религиозники» воспринимались Сталиным в одном ряду с другими политическими противниками как «отъявленные контрреволюционеры», в отношении которых должны были применяться самые суровые меры.

В этот период он поддерживал предложения Троцкого, подбирал ему помощников по изъятию церковных ценностей²², по его просьбе возложил, для надежности и оперативности, ответственность за агитационно-пропагандистское освещение кампании по разгрому церкви в провинциальной периодике непосредственно на начальника РОСТА Я.Г. Далецкого²³, поддержал приезд из Германии в Россию нужного Троцкому для проведения раскола Православной российской церкви бывшего обер-прокурора Святейшего синода «сменовеховца» В.Н. Львова (пока он будет способен «играть несомненно разлагающую роль»)²⁴. Несмотря на адресованную Сталину просьбу большевистской фракции Президиума ВЦИК отменить директиву Политбюро о расстреле осужденных по петроградскому процессу, в тот же день, 2 августа 1922 г., этот вопрос был включен в повестку дня более высокой инстанции – Пленума ЦК РКП(б), подтвердившего решение о смертной казни²⁵.

Документы секретного делопроизводства ЦК РКП(б) не подтверждают мемуарную версию изгнанного из страны и боровшегося со Сталиным Троцкого о его устранении от руководства антирелигиозной работой в Политбюро и заменой на сталинскую креатуру –

²⁰ Там же. С. 213.

²¹ Об этом более подробно см.: Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 47–48 (сноска 26).

²² Архивы Кремля. Кн. 1. С. 193.

²³ Там же. С. 490–491.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 282. Л. 34.

²⁵ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 242–243.

Е.М. Ярославского²⁶, назначенного в январе 1923 г. на пост председателя главного в стране конспиративного антирелигиозного органа – Комиссии по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозной комиссии) при ЦК РКП(б)²⁷. После отказа Троцкого в октябре 1922 г. занять этот пост, на чем настаивал Ленин при обсуждении вопроса в Политбюро («Не понимаю, почему нет т. Троцкого, к[о]т[ор]ый неск[о]л[ь]ко м[еся]цев следил близко за течениями в церкви, – спрашивал он у Секретариата ЦК РКП(б). – Прошу поставить в П[олит]бюро»²⁸), Антирелигиозную комиссию возглавил его помощник по изъятию церковных ценностей и заведующий подотделом пропаганды Агитпропотдела ЦК РКП(б) Н.Н. Попов²⁹.

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что отзывом из Сибири и столичным обустройством Ярославского, члена и недавнего секретаря ЦК РКП(б), занимался, как это обычно и происходило в отношении высокопоставленных партийцев, Сталин. Но определением конкретных участков работы Ярославского, направленного в Коминтерн и, по высказанному им желанию, на агитпроповскую работу в ЦК РКП(б), был занят не Сталин, а совсем другие лица – председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев и секретарь ЦК партии В.В. Куйбышев. Именно В.В. Куйбышев совместно с инициатором создания Антирелигиозной комиссии, заведующим Агитпропотделом ЦК РКП(б) А.С. Бубновым и сочли возможным назначить Е.М. Ярославского как более крупную фигуру, чем Н.Н. Попов, на пост председателя организованной недавно комиссии³⁰.

Но характер деятельности самого Сталина никак не изменился и после перехода руководства антирелигиозной деятельностью партии, согласно мемуарам Троцкого, к сталинской креатуре – Ярославскому, который стал главным инициатором рассмотрения в Политбюро антирелигиозных вопросов. Сталин по-прежнему выполнял аппаратные обязанности секретаря ЦК РКП(б), без претензий на разработку стратегической доктрины отношений большевиков и религиозных организаций и конкретных текущих проблем борьбы с «религиозниками».

Документы делопроизводства Политбюро, отразившие процедуру голосования опросом, позволяют воссоздать, как вел себя Сталин, когда Троцкий уже не определял антирелигиозный курс партии. При

голосовании опросом вкруговую 30 марта 1923 г. о расширении состава руководимой А.И. Рыковым комиссии Политбюро по процессам над патриархом Тихоном и католическим архиепископом Иоанном Цепляком И.В. Сталин поддержал предложение Е.М. Ярославского о включении в ее состав П.А. Красикова для лучшего партийного руководства подготовкой этих судебных разбирательств³¹. Он голосовал опросом 21 апреля 1923 г., как и другие члены и кандидаты в члены Политбюро, кроме А.И. Рыкова, за предложение Ф.Э. Держинского об отсрочке открытия процесса по делу патриарха Тихона, в результате – суд над главой Православной российской церкви так и не состоялся³².

Сталин ничем не отличался здесь от других своих коллег по высшей партийной инстанции. При опросном голосовании вкруговую Сталин, как и другие высшие партийные руководители, согласился с предложениями Ярославского, изложенными им в присланных в Политбюро документах от 11 июня 1923 г. и касавшимися условий освобождения патриарха Тихона из-под ареста и дальнейшей его церковной деятельности, и поддержал Зиновьева, который потребовал перенести обсуждение этих условий на заседание Политбюро³³. Видимо, последним опросным голосованием в первой половине 1920-х гг., в котором принял участие Сталин, был вопрос о порядке информирования читателей центральных партийных и советских газет о смерти патриарха Тихона. Сталин и другие опрошенные по телефону члены и кандидаты в члены Политбюро поддержали строго ограниченный перечень сведений, составленный заведующим Бюро Секретариата ЦК РКП(б) Л.З. Мехлисом на основе поступившего к нему письма из Секретного отдела ОГПУ³⁴.

Можно перечислять и дальше подобного рода поддержку Сталиным решений по вопросам, касавшимся жизни религиозных организаций, но суть от этого не изменится. Все это было в русле уже заданных другими лицами установок определенного партийного курса, линии. В общем-то, деятельность Сталина можно охарактеризовать как добросовестную бюрократическую работу исполнительного партаппаратчика по поиску оптимальных вариантов претворения в жизнь принимаемых Политбюро антирелигиозных директив.

Особая активность была проявлена летом 1923 г., когда во исполнение решений XII съезда РКП(б) о постановке антирелигиозной

²⁶ Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 213.

²⁷ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 358–359.

²⁸ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 559.

²⁹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 325–326.

³⁰ Об этом более подробно см.: Петров С.Г. Русская православная церковь. С. 100–105.

³¹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 511–512.

³² Там же. С. 274.

³³ Там же. С. 282–284.

³⁴ Там же. С. 297–299.

агитации и пропаганды партийные функционеры во главе с секретарями ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутаком и И.В. Сталиным стали готовить съездовскую резолюцию и соответствующее циркулярное письмо, посвященное массовому закрытию храмов Православной российской церкви и культовых помещений других конфессий³⁵. Административный произвол на местах в этом вопросе вызвал непрерывный поток жалоб верующих в центральные органы власти. Как хорошо известно, в условиях инспирированного большевиками раскола в Православной российской церкви шло противоборство двух частей: обновленческой «советской» и оставшейся верной находившемуся под арестом патриарху Тихону, причем от произвола власти страдали в основном последние. Однако после выхода в конце июня 1923 г. патриарха на свободу была выработана новая антирелигиозная стратегия – укрепить его сторонников, дав толчок еще более яростной внутрицерковной борьбе, дискредитирующей церковную организацию в глазах верующих. В отношении Православной российской церкви готовившееся циркулярное письмо ЦК РКП(б) было нацелено на поддержание состояния раскола в ее рядах³⁶.

В тексте постановления Политбюро от 27 июля 1923 г. практически впервые было зафиксировано, что в ходе обсуждения этого вопроса, видимо, осведомленный в подоплеке данной проблемы Сталин, не будучи докладчиком, выступил со специальным сообщением касательно «возвращения храмов верующим, в случае возбуждения соответствующих ходатайств значительной частью приходов», которое было одобрено³⁷. Отметим сразу, что это был вопрос, по поводу которого в ЦК РКП(б) уже обращалась неоднократно Антирелигиозная комиссия, а после его рассмотрения в заседании Секретариата ЦК РКП(б) на места ушла соответствующая директива от 20 июня 1923 г.³⁸ Таким образом, 27 июля 1923 г. Сталин информировал Политбюро о конкретных мерах, которые транслировались в регионы ранее и должны были в обязательном порядке еще раз прозвучать в будущем циркуляре.

Работа стала более интенсивной, когда 30 июля 1923 г. Сталин получил от Антирелигиозной комиссии похожий на советскую инструкцию многостраничный проект циркулярного письма³⁹. После его существенной переработки в ЦК РКП(б) был создан, по сути, новый текст проекта партийного циркуляра, получившего название

«Об отношении к религиозным организациям». В нем подчеркивалось, что именно своими «грубыми, бестактными действиями против верующих» местные парткомы и органы советской власти «грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви», т. е. обновленческого раскола⁴⁰. Данный проект циркуляра был основательно отредактирован Сталиным, но без серьезных смысловых изменений. После его перепечатки генсек еще раз сверил текст, после чего дальнейшим техническим оформлением этого письма, в т. ч. простановкой этикетной формулы подписи с фамилией Сталина, занимался заведующий секретным делопроизводством ЦК РКП(б) А.М. Назаретян⁴¹. В протоколе заседания Политбюро от 16 августа 1923 г. указано, что Сталин являлся и докладчиком по вопросу «Циркуляр о закрытии церквей», который был утвержден этим центральным органом партийной власти⁴².

Сталин значится докладчиком и по рассмотренному в марте 1924 г. в Политбюро вопросу об освобождении из заключения и высылке за пределы Советского Союза католического архиепископа Иоанна Цепляка и прекращении судебного преследования патриарха Тихона⁴³. Однако с этим вопросом не столь все ясно, как в предыдущих случаях. В предварительную повестку дня этот пункт протокола Политбюро от 13 марта 1924 г. был внесен под рубрикой «Вопросы НКВД», что вполне объяснимо: в решении судьбы главы католиков всех советских республик⁴⁴, за которым стояли Польша и Ватикан, могло быть заинтересовано внешнеполитическое ведомство. Однако в тексте самого постановления под формулировкой вопроса указано, что это – «предложение т. Сталина». К сожалению, сохранившиеся документы делопроизводства Политбюро не позволяют дать ответ, почему Сталин докладывал членам и кандидатам в члены Политбюро «вопрос НКВД», который не был предварительно согласован с Антирелигиозной комиссией и ОГПУ и вызвал у них явное неудовольствие, осложнив последующую работу с «амнистированным» патриархом Тихоном⁴⁵. Не исключаю, что антирелигиозные ведомственные интересы здесь были принесены в жертву внешнеполитическим целям, преследуемым партийным руководством страны.

Таким образом, рассмотренные документы делопроизводства Политбюро первой половины 1920-х гг. однозначно показывают, что

³⁵ Об этом см.: Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 323–330.

³⁶ Там же. С. 333–334, 343.

³⁷ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 407–408.

³⁸ Об этом см.: Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 326 (сноска 65).

³⁹ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 408–413.

⁴⁰ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 416.

⁴¹ Об этом см.: Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 332–340.

⁴² Архивы Кремля. Кн. 1. С. 414.

⁴³ Там же. С. 290.

⁴⁴ Петров С.Г. Документы делопроизводства. С. 366.

⁴⁵ Там же. Кн. 2. С. 420.

Сталин в этот период времени и на посту наркома по национальным делам, и в должности генерального секретаря ЦК РКП(б) ни разу не выступил в качестве генератора идей в области государственно-религиозных отношений. Не приходится говорить, что от него исходили разработанные им доктринальные установки, формирующие или определяющие партийно-государственный курс по отношению к религиозным организациям. Он практически никогда не был инициатором обсуждения в высшей партийной инстанции вопросов, связанных с религиозными организациями. Его вклад в формирование антирелигиозной политики большевиков в первой половине 1920-х гг. можно свести к канцелярско-технической работе по оформлению выработанных его коллегами концептуальных положений, подготовке их в необходимом бюрократическом формате к обсуждению в высших партийных инстанциях и дальнейшему транслированию в виде директивных циркуляров в местные органы власти. Сталин был аппаратным коммуникатором, медиатором между теоретиками и практиками из высших партийно-государственных эшелонов и теми, кто претворял в жизнь спускаемые сверху в регионы директивы. Он практически всегда соглашался с поступающими в Политбюро предложениями антирелигиозного характера, причем поддерживал наиболее жесткие репрессивные установки. Аппаратная и канцелярская работа в ЦК РКП(б), которой занимался Сталин, конечно же, не освобождает его от коллективной ответственности за последствия антирелигиозной политики высшего руководства страны того времени.